

О скептическом парадоксе Крипке и виттгенштайновской проблеме следования правилу

Прись И. Е. (François-Igor PRIS , frigpr@gmail.com)

Резюме

Предлагается виттгенштайновское решение скептического парадокса Крипке, который возникает в результате пренебрежения прагматикой и нормативным измерением производимых операций. Парадокс Крипке указывает на то, что натурализация смысла и проблемы следования правилу в рамках классического (ненормативного) натурализма невозможна. Анализируется и критикуется недавно предложенная Гинзбург интерпретация парадокса. Хотя её натуралистический «срединный путь» между диспозиционализмом и ментализмом и близок к нормативному виттгенштайновскому натурализму, вводимое ею понятие примитивной нормативности неудовлетворительно. Правильнее говорить не о натурализме с минимальным добавлением нормативности, как это делает Гинзбург, а о нормативном натурализме.

Ключевые слова: скептический парадокс Крипке, проблема следования правилу, языковая игра, нормативный натурализм, спонтанность, семейное сходство, правило, имплицитное правило, смысл, нормативная диспозиция, примитивная нормативность

1. Скептический парадокс Крипке

Суть скептического парадокса, предложенного Саулом Крипке [8], в следующем. Предположим, что мы научились складывать числа, которые меньше, чем 57, но никогда не складывали числа, из которых хотя бы одно больше или равно 57. Предположим теперь, что мы впервые складываем числа 68 и 57 и получаем 125. Крипковский скептик утверждает, что в этом случае мы не знаем, какую операцию мы выполняем, так как в соответствии с лозунгом *смысл есть употребление* для нас нет никакой разницы между операцией сложения и, скажем, выдуманной операцией «к-сложения», которая полностью совпадает со сложением для случаев, когда числа меньше 57, но всегда даёт 5 для тех случаев, когда хотя бы одно из двух слагаемых больше или равно 57. Более того, скептик утверждает, что нет никакого факта, позволяющего отличить операцию сложения от операции «к-сложения».

Прежде всего заметим, что такое описание проблемы является достаточно абстрактным и, следовательно, неполным. Как следствие, оно допускает различные интерпретации. Например, можно спросить, каким образом мы научились складывать числа, которые меньше 57. Предположим, что мы просто обладаем феноменальной памятью и запомнили результат операции сложения для каждого отдельного случая. В этом случае действительно не существовало бы никакого факта, позволяющего отличить сложение

от «к-сложения». Для нас не было бы ничего общего между производимыми нами действиями над различными числами. Их не связывала бы для нас между собой никакая общая операция. В этом случае, однако, мы также никоим образом не смогли бы хоть сколь-нибудь осмысленно сказать чему равна сумма 68 и 57, разве что случайно угадать.

Возьмём более простой пример. Уже простой счёт чисел предполагает определённое знание о правиле сложения, так как умение считать есть умение прибавлять единицу, даже в том случае, когда это не осознаётся.

Каким образом мы применяем это правило? Согласно Виттгенштайну, в конечном итоге не существует правила для применения правила. Употребление правила в новом контексте является для него «инстинктивным», или «слепым» (но не механическим, или чисто диспозиционным), употреблением. И в то же время оно является *естественным* и *спонтанным*.

Использование Виттгенштайном термина «естественный» означает натурализацию проблемы следования правилу, натурализацию нормативности. Но виттгенштайновский натурализм является специфическим нормативным натурализмом. Естественное применение правила в новом контексте должно быть в то же время спонтанным, то есть, в принципе оно должно иметь рациональное обоснование *post factum*. Такое обоснование есть экспликация имплицитного правила, имплицитной нормативности, которая будучи имплицитной является в то же время естественной («естественность» нормативна, или «спонтанна», а нормативность, или «спонтанность» «естественна»).

Говоря словами Джэйсон Бриджиз [2], новое применение концепта/правила включает в себя два момента: “a forward-looking leap of faith” (прыжок в неизвестность) и “a backward-looking justification” (последующее обоснование). Концепты/правила могут быть использованы для представления чего-то, что ещё не дано.

Например, для Виттгенштайна десятичное разложение числа π не существует в идеальном и вечном платоновском мире как преддетерминированная простирающаяся бесконечно далеко последовательность чисел. Именно поэтому мы не можем обосновать наше мнение, что либо семь последовательных семёрок появятся в десятичном разложении π либо нет [9]. Закон исключённого третьего есть логическое правило, которое либо принимается либо нет (интуиционисты, например, отвергают закон исключённого третьего).

Простое запоминание счёта чисел до некоторого определённого предела не позволяет продолжить счёт за эти пределы и, таким образом, не является настоящим счётом. Лишь в том случае, если бы мы могли применить такой «счёт» на практике, например, для подсчёта предметов, практическая имплицитная связь между числами была бы установлена, и это позволило бы говорить о настоящем счёте, а также продолжить его за установленные пределы.

Другими словами правило может быть имплицитным. Почему, однако, таким установленным на практике правилом счёта чисел является правило прибавления единицы, а не какое-либо «смешанное» правило, подразумевающее, скажем, прибавление единицы лишь до определённого предела. Очевидно, что любое другое правило является менее «естественным». Здесь уже речь идёт не о применении данного правила, а о выборе самого правила.

Мы могли бы эксплицитно (или даже имплицитно, если бы существовала такая практика) указать какое-нибудь нестандартное продолжение счёта за определённый предел. Например, в одном из примеров Виттгенштайна ученика учат прибавлять два. В результате он это делает безошибочно, но лишь до определённого предела. Начиная с числа 1000 ученик убеждён, что правильное продолжение последовательности имеет следующий вид: 1004, 1008, 1012 ... . Это как раз тот случай, когда ученик применяет правило, отличное от правила сложения.

Правило сложения в столбик есть эксплицитное правило. Именно это правило совместно с некоторым набором его конкретных применений, принятие во внимание которых необходимо для правильной интерпретации правила, позволяет производить новые операции сложения.

Эксплицитная формулировка правила «к-сложения» определяется описанием, которое даёт ему Крипке: «к-сложение» совпадает со сложением, когда числа меньше 57 и даёт 5, когда хотя бы одно из двух слагаемых больше или равно 57. Тот, кто правильно следует этому правилу, получит 5 в результате «к-сложения» 68 и 57.

Как быть с теми случаями, когда правило лишь имплицитно? В этих случаях фактом, позволяющим идентифицировать правило, является некоторый «прагматический факт», например, наличие виттгенштайновского семейного сходства между различными применениями правила.

Я полагаю, что понятия правила, концепта и семейного сходства эквивалентны. В самом деле, для Виттгенштайна между применениями одного и того же концепта имеется семейное сходство. Для Канта и Виттгенштайна понятия правила и концепта эквивалентны (к тому же у Виттгенштайна эти понятия являются натурализованными). Следовательно, наличие семейного сходства эквивалентно наличию общего (в общем случае имплицитного) правила. (См. также ниже.)

Между различными операциями сложения чисел до 57 (то есть, между выполняемыми действиями сложения, или между «языковыми играми» конкретных сложений) имеется семейное сходство, которое и указывает на то, что применяемое правило есть правило сложения.

Значит, скептический парадокс Крипке разрешается. Парадокс возникает в результате игнорирования прагматической связи между отдельными операциями сложения чисел, которые меньше 57. Можно сказать по-другому: каждое конкретное сложение есть виттгенштайновская «языковая игра», которая имеет нормативное измерение. Парадокс

возникает в результате пренебрежения этим нормативным измерением. Парадокс Крипке указывает на то, что натурализация смысла и проблемы следования правилу в рамках классического (ненормативного) натурализма невозможна.

Лозунг «смысл есть употребление» не означает, что любое «употребление» определяет смысл. Употребление как применение некоторого правила, а не любое «употребление», определяет прагматический смысл-употребление. Семантический смысл правила (концепта) накладывает ограничения на возможные его употребления.

Чем, однако, отличается семейное сходство между конкретными операциями сложения чисел, которые меньше 57, от семейного сходства между конкретными операциями «к-сложения» чисел, которые меньше 57?

Если речь идёт действительно о семейном сходстве, определяемым операцией «к-сложения» (а не сложения), то это предполагает предварительное формирование отличной от практики сложения практики «к-сложения», даже если числа, над которыми производились операции всегда были меньше 57.

Различие между практикой к-сложения и практикой сложения может быть сделано эксплицитным как различие между разными рациональными обоснованиями соответствующих семейных сходств. Семейное сходство есть прагматическое «сходство», которое в большей или меньшей мере эксплицируется как обосновываемое сходство, то есть сходство в соответствии с эксплицитным критерием.

Как я уже отметил выше относительно примера Крипке, если конкретные «операции» над числами не подразумевают никакого эксплицитного или имплицитного правила, новое вычисление, $68+57$, строго говоря, невозможно. Можно, однако, попытаться интерпретировать набор конкретных операций как операций, подчиняющихся тому или иному правилу. Можно, например, поставить вопрос о том, какое правило является (более) естественным для данных операций. Возможно, некоторое естественное суперправило позволяет однозначно выбрать правило сложения. Возможно также, что в некоторых специфических случаях «к-сложение» является более естественной, чем сложение, операцией. На практике обычно применяют правило сложения, а не к-сложения. Поэтому если мы хотим интерпретировать операции над числами, которые мы просто запомнили, наиболее естественной интерпретацией будет сложение.

В любом случае решение скептического парадокса (и проблемы следования правилу) предполагает, что помимо набора конкретных операций сложения имеется нечто ещё. Это «нечто ещё» является эксплицитным или имплицитным правилом, или нормативностью. Решение проблемы следования правилу – это решение проблемы натурализации нормативности.

Как уже было сказано выше, наличие (общего) имплицитного правила означает наличие виттгенштайновского семейного сходства, или наличие общего концепта (следуя правилу мы делаем «то же самое», что и раньше).

Дэвид Льюис [10] (возможно, не догадываясь об этом) выразил виттгенштайновские понятия естественности, спонтанности и семейного сходства на своём метафизическом языке (он вводит понятия естественности, степеней естественности, приемлемости (*eligibility*) употребления, подобия) и применил их для решения парадокса Крипке и проблемы индукции в формулировке Гудмана [5].

Например, согласно Льюису, в случае парадокса Крипке правильным результатом является 125 потому, что операция сложения является более естественной, чем операция к-сложения (а более естественные операции, свойства и теории являются согласны ему и более приемлемыми).

На наш взгляд в виттгенштайновских терминах сказанное можно интерпретировать в двояком смысле: с одной стороны, при прочих равных условиях, правило сложения является наиболее естественной (а, значит, и приемлемой, спонтанной) операцией. С другой стороны, если речь идёт о конкретном сложении, наиболее естественным (а, значит, и приемлемым, или спонтанным) применением правила будет 125, а не, например, 123 или 124. Результат 125, а не результаты 123, 124, может быть обоснован (*пост фактум*). Что касается числа 5, то оно не будет естественным применением правила сложения, и, более того, оно вообще не может рассматриваться как возможное применение этого правила. Другими словами, строго говоря, понятие естественности входит в игру дважды: на уровне выбора операций (правил) и на уровне применения выбранных операций (правил). Эти два измерения максимально сближаются друг с другом, если посмотреть на проблему выполнения операции $68+57$ в свете её последующего обоснования, которое является ничем иным как экспликацией имплицитного правила.

Я полагаю, что собственно виттгенштайновский терапевтический подход, интерпретацию которого я применяю в данной статье к парадоксу Крипке, позволяет устранить недостатки субстанциональной метафизики Льюиса.

Уже упомянутое выше правило сложения в столбик, совместно с некоторым набором его конкретных применений, необходимых для правильной интерпретации правила (и наоборот, общая формулировка правила сложения в столбик придаёт смысл каждой отдельной операции сложения, так что правило и его применение суть два аспекта одного и того же – правила или применения правила), эквивалентно «нормативной диспозиции», позволяющей применять правило в новых условиях, то есть, производить новые сложения. Диспозиция нормативна, так как новый результат может быть опровергнут или обоснован (проверен и перепроверен). Это - промежуточный путь между чисто диспозиционалистским подходом к проблеме следования правилу (который неудовлетворителен, так как механическая диспозиция может быть ошибочной, и она никогда не является нормативной (в том смысле, что нельзя сказать, что результат *должен* быть тем или иным), даже в идеальных условиях) и менталистским подходом, который неудовлетворителен, так как чисто ментальные факты не позволяют сказать что-либо о том, каким будет употребление (поскольку смысл есть употребление, чисто ментальные факты не являются фактами о смысле).

Таким образом, смысл операции сложения, или правило сложения, можно понять как состояние *нормативной диспозиции*. Следование правилу осуществляется в соответствии с этим состоянием.

Это не редукция смысла в рамках классического натурализма, а его редукция в рамках виттгенштайновского «нормативного натурализма». Новое применение правила есть рождение одновременно естественного и спонтанного (нормативного) факта, то есть, естественного факта, который имеет обоснование *пост фактум*. Например, в случае сложения $68+57 = 125$ в первый раз нормативным фактом является «языковая игра» получения нового результата, 125. Этот результат *должен* быть таким в соответствии с

правилом сложения. То, однако, что он *должен* быть таким, ясно лишь *post factum*. Нет никакой преддетерминированности

Итак, скептический парадокс Крипке указывает на то, что нет никакого натуралистического (в смысле классического натурализма) факта, который можно было бы указать в пользу того, что речь идёт об операции сложения. В этом смысле скептик прав. В этом смысле Крипке показывает несостоятельность классического натурализма. Смысл не редуцируется к ненормативному натуралистическому употреблению. Если же принять во внимание нормативное измерение употребления, то прошлые употребления являются теми нормативными фактами, которые свидетельствуют в пользу того, что речь идёт об операции сложения. С другой стороны между прошлыми употреблениями имеется семейное сходство, соответствующее операции сложения. Именно эта операция может быть эксплицирована исходя из практики выполнения конкретных сложений. Новое употребление операции есть результат естественного и спонтанного (в соответствии с семейным сходством) расширения области его применения.

Как мне кажется, виттгенштайновский нормативный натурализм, который является срединным путём, правильно синтезирующим диспозиционалистский и менталистский подходы, близок к «срединному» натуралистическому пути, предложенному Гинзборг [3, 4].

Гинзборг натуралистически редуцирует смысл, но лишь частично. Нормативное измерение сохраняется благодаря вводимому ей понятию *примитивной нормативности*, прототип которого Гинзборг находит в кантовской *Критике суждения*. Согласно Канту, эстетические суждения являются универсальными и необходимыми, но не концептуальными суждениями (их необходимость является «субъективной»). Согласно Гинзборг, это возможно благодаря так называемой «примитивной нормативности». Как мне представляется, последнее понятие не является чем-то новым, а лишь неправильно использованным понятием прагматической нормативности Виттгенштайна и Канта.

Ниже я рассматриваю некоторые элементы предложенной Гинзборг интерпретации парадокса Крипке.

2. Гинзборг о скептическом парадоксе Крипке

Крипке указывает на то, что скептический парадокс принимает две формы ([8], с. 11):

«First [the skeptic] questions whether there is any fact that I meant plus, not quus, that will answer his skeptical challenge. Second, he questions whether I have any reason to be so confident that now I should answer '125' rather than '5'. Two forms of the challenge are related. I am confident that I should answer '125' because I am confident that this answer also accords with what I *meant*» (Во-первых, (скептик) ставит вопрос о том, существует ли какой-либо факт, говорящий в пользу того, что я имел в виду операцию плюс, а не куус, - факт, который даст ответ на его скептический вызов. Во-вторых, он ставит вопрос о том, есть ли у меня

какое-либо основание быть настолько уверенным в том, что мой ответ должен быть '125', а не '5'. Две формы вызова связаны между собой. Я уверен в том, что я должен ответить '125' потому, что я уверен, что этот ответ также находится в согласии с тем, что я *имел ввиду*. *Перевод мой*).

Заметим, что две указанные формы парадокса настолько тесно связаны друг с другом, что по сути являются двумя аспектами одного и того же парадокса.

В самом деле, основанием для истинности $68 + 57 = 125$ может быть лишь то, что результат 125 соответствует подразумеваемой операции, и эта операция является операцией сложения. Если правило сложения имплицитно, оно становится эксплицитным в случае обоснования того, что $68 + 57 = 125$. По сути первая форма парадокса относится к вопросу о правиле, а вторая – к вопросу о его применении. (Если нет правила, не имеет смысла говорить о применении правила. Знать правило, однако, недостаточно. Необходимо уметь его правильно применять.) Наличие факта о том, что применяется операция сложения, является необходимым условием для принципиальной возможности обоснования результата 125, хотя этот факт может быть и недоступен рефлексивному сознанию.

Гинзбург, однако, ставит под сомнение связь между указанными Крипке двумя формами скептического парадокса. Она пишет ([3], с. 231):

«Kripke assumes that the first challenge must be met as a prior condition of responding to the second: in order to claim legitimately that you ought to say "125", you need first to establish that you previously meant addition. This is because he assumes that your claim about what you ought to say must rest on a claim about what you mean. As he puts it in the passage just quoted, "I am confident that I should answer '125' because I am confident that this answer also accords with what I meant." [8] (Ginsborg's emphasis). The skeptic can thus challenge your confidence about the former of these by challenging your confidence about the latter» (Крипке полагает, что ответ на первый вопрос должен быть предварительным условием для ответа на второй: для того, чтобы на законных основаниях утверждать, что Вы должны сказать '125', необходимо сначала установить, что Вы предварительно имели ввиду операцию сложения. Это так потому, что он полагает, что Ваше утверждение о том, что Вы должны сказать, должно основываться на утверждении о том, что Вы имеете ввиду. Как он выражается в только-что цитируемом отрывке: «Я уверен, что я должен ответить '125' потому, что я уверен, что этот ответ также находится в согласии с тем, что я *имел ввиду*» (выделено Гинзбург). Таким образом, скептик может поставить под сомнение Вашу уверенность в первом из этих утверждений, ставя под сомнение Вашу уверенность во втором. *Перевод мой*).

Интерпретируя Крипке, Гинзбург предполагает, что смысл всегда является рефлексивным, а правило - эксплицитным. Тогда сказать, что 125 согласуется со смыслом операции сложения, равносильно сказать, что 125 согласуется с эксплицитным, или рефлексивным, смыслом этой операции.

На самом деле, в общем случае, сравнение с эксплицитным смыслом есть обоснование *пост фактум*. Слова Крипке «I am confident that I should answer „125“ because I am confident that this answer also accords with what I meant» («Я уверен, что я должен ответить „125“-- потому, что я уверен, что этот ответ также находится в согласии с тем, что я *имел ввиду*») можно отнести к такому обоснованию *пост фактум*, а не исходному этапу применения правила сложения, которое может быть инстинктивным.

С точки зрения Гинзборг проблема в том, что Крипке игнорирует понятие «примитивной нормативности». Она предлагает изменить крипковский порядок ответа скептику и рассматривать вторую форму парадокса как более фундаментальную. Согласно ей правильный вопрос следующий ([3], с. 232): «Whether „125“ is now the answer which should be given to „68 + 57“» (является ли теперь „125“ ответом, который должен быть дан для „68 + 57“) Гинзборг отвечает на этот вопрос так ([3], с. 231):

«I want to propose that you can legitimately reply to the skeptic that you ought to say “125” independently of any assumption about what you, or indeed anyone, meant previously by “plus”» (моё предложение состоит в том, что Вы можете на законном основании ответить скептику, что Вы должны сказать “125”, независимо от какого-либо допущения о том, что Вы или кто-либо предварительно имели ввиду под операцией «плюс». *Перевод мой*).

Такому ответу можно придать смысл лишь в том случае, если речь идёт не об отсутствии предварительного смысла у операции «плюс», а лишь об отсутствии осознанного (рефлексивного) доступа к этому смыслу. Наличие рефлексивного доступа к смыслу «плюс» не является необходимым для выполнения новой операции сложения, но в отсутствие факта о том, что речь идёт об операции сложения, нельзя будет сказать, что результат „125“ – это тот результат, который должен быть получен.

Гинзборг считает, что взаимозаменяемое употребление Крипке выражений «в соответствии с прошлыми употреблениями» и «в соответствии с прошлым смыслом» является ошибочным, и понимает первичный скептический вопрос как вопрос о соответствии прошлым употреблениям, а не как вопрос о соответствии прошлому смыслу ([3], с. 232):

« I am denying that the idea of conformity to past usage depends on the idea of conformity to past meaning. While I accept that the “ought” in question is conditional on the circumstances in which you used the word ‘plus’ in the past, I reject the assumption – which is of a piece with Kripke’s assumption about how the skeptic’s two challenges are related – that the “ought” has to be conditional on your past meaning or past intentions, or on a rule which you previously had in mind for the use of the term. I maintain that there is a sense in which you ought to say ‘125’, given the finite list of your previous uses, independent of what meaning if any, those uses expressed» (Я отрицаю, что идея соответствия прошлому употреблению зависит от идеи соответствия прошлому смыслу. Хотя я и принимаю, что «должно», о котором идёт речь, зависит от обстоятельств, в которых Вы употребляли слово «плюс» в прошлом, я отвергаю допущение, которое аналогично допущению Крипке о том, каким образом связаны между собой два вызова скептика, - что «должно» должно зависеть от того, что Вы имели ввиду или Ваших намерений, или от правила, которое Вы предварительно держали в голове, для употребления термина. Я утверждаю, что есть смысл, в котором Вы должны сказать „125“, исходя из конечного числа Ваших предыдущих употреблений, независимо от того, какой смысл, если он вообще был, эти употребления выражали. *Перевод мой*).

Таким образом, Гинзборг разделяет понятия употребления и смысла (или интенциональности). По сути её критика отвергает необходимость эксплицитного представления (смысла) правила для того, чтобы можно было его применить, а также указывает на неправильность использования его образного (чисто ментального) представления. Инстинктивные употребления, однако, не являются лишёнными

смысла. В этом смысле сказать, что новое употребление должно соответствовать прошлым употреблениям, правилу, или смыслу правила - одно и то же.

«Примитивная нормативность» Гинзбург - это нормативность, которая не зависит от соответствия осознанно принятому предшествующему правилу. («Normativity which does not depend on conformity to an antecedently recognized rule» (нормативность, которая не зависит от соответствия предварительно идентифицированному правилу) ([3], с. 233).

Гинзбург считает, что правильное продолжение последовательности сопровождается *мыслью о подходящести* (в терминологии Гинзбург «подходящести» не есть «корректность» или «правильность») такого продолжения, которая является аналогом эстетического суждения. Согласно Гинзбург, например, ребёнок может правильно продолжить последовательность чисел, мотивируя это тем, что такое продолжение является *подходящим*, не ссылаясь ни на какое предыдущее правило ([3], с. 234-235):

« She takes it to be appropriate to the context *simpliciter*, in a way which does not depend for its coherence on the idea of an antecedently applicable rule to which it conforms» (он принимает его как подходящее контексту *simpliciter* так, что непротиворечивость этого не зависит от идеи предварительно применимого правила, которому оно соответствует. *Перевод мой*).

Однако, согласно Виттгенштайну, возможно, как я уже сказал выше, чисто инстинктивное (чисто прагматическое) расширение области действия правила. Такое инстинктивное, или «слепое», применение правила не сопровождается рефлексивной мыслью о том, что оно является подходящим. В то же время, согласно Канту, эстетические суждения являются рефлексивными.

В *Критике суждения* Кант различает между рефлексивными и детерминирующими суждениями. Детерминирующее суждение – это суждение, которое возникает в результате применения эксплицитного правила, принципа или концепта к конкретному случаю. Оно подводит частное под общее. Рефлексивное суждение, наоборот, выводит общее из частного, как подпадающее под это общее. (Правила, принципы, законы или концепты становятся эксплицитными в результате акта рефлексии суждения.) Эстетические суждения являются рефлексивными суждениями.

Кант, в частности, пишет:

«(...) The judgement of taste must rest on a mere sensation of the reciprocal activity of the Imagination in its *freedom* and the Understanding with its *conformity to law*. It must therefore rest on a feeling, which makes us judge the object by the purposiveness of the representation (by which an object is given) in respect of the furtherance of the cognitive faculty in its free play. Taste, then, as subjective Judgement, contains a principle of subsumption, not of intuitions under concepts, but of the *faculty* of intuitions or presentations (i.e. the Imagination) under the *faculty* of the concepts (i.e. the Understanding); so far as the former *in its freedom* harmonises with the latter *in its conformity to law*» ([7], с. 100) (суждение вкуса должно основываться лишь на ощущении того, что воображение в своей свободе и рассудок со своей закономерностью оживляют друг друга; следовательно, [оно основывается] на чувстве, позволяющем судить о предмете по целесообразности представления (посредством которого предмет дается) для поощрения познавательных способностей в их свободной игре; и вкус, как субъективная способность суждения, содержит в себе некий принцип подведения, но не созерцаний под понятия, а способности к созерцаниям или изображениям (т. е. воображения) под способность [давать] понятия (т. е. под рассудок), поскольку первая [способность] в своей свободе согласуется с последней в ее закономерности). ([1], § 35)

Если я правильно понимаю Виттгенштайна, то его подход к суждениям о красоте близок к кантовскому подходу. Для Виттгенштайна красота означает наличие имплицитного правила (что предполагает

правильное следование правилу), реакция на которое и есть эстетическое суждение (то есть, правило воспринимается как правило имплицитное, а не эксплицитное). Кант пишет ([7], с. 67): «*Beauty is the form of the purposiveness of an object, so far as this is perceived in it without any representation of a purpose*» (красота есть форма целенаправленности объекта, воспринимаемая в нем *без какого-либо представления цели*. *Перевод мой*). Эстетическое суждение может обосновываться, объясняться, но никогда не может быть полностью обосновано, объяснено. Обоснование есть экспликация правила, которое не может быть сделано полностью эксплицитным. (Согласно Канту эстетическое суждение есть суждение непосредственное, а не логически или концептуально опосредованное.)

Мысль о том, что применение правила является подходящим, является минимальным обоснованием правильности его применения. (Согласно Виттгенштайну мы получаем результат 125 в первый раз «слепо». С одной стороны, это не механическая «слепота» попугая. С другой стороны, мысль о том, что результат 125 является подходящим, вторична. «Подходящест» не является критерием, а наиболее общей рефлексивной мыслью о результате. В противном случае возник бы бесконечный регресс.) Поэтому эта мысль не может сопровождать правильное продолжение последовательности ребёнком, хотя она может сопровождать правильное продолжение последовательности рефлексивующим взрослым человеком.

Гинзбург признаёт, что предлагаемый ей подход может трактоваться как следование имплицитному правилу. При этом она справедливо замечает, что не следует полагать, что при получении результата происходит (неосознанно) сравнение с тем или иным образом *представленным* на под-персональном уровне (имплицитным) правилом.

Гинзбург предлагает два других варианта понимания «примитивной нормативности»: примитивная нормативность участвует в процессе формирования концептов или правил (например, концепт «зелёный» у ребёнка не может быть сформирован чисто диспозиционным образом); примитивная нормативность - это примитивное подобие («то же самое»). (Льюис обосновывает следующее наивное решение парадокса Крипке как решение корректное: «Adding means going on in the same way as before when the numbers get big, whereas quadding means doing something different» (складывать означает продолжать также как и раньше, когда числа становятся большими, тогда как к-складывать означает делать что-то другое. *Перевод мой*) ([10], с. 376; цитируется Гинзбург [3] на с. 239, сноска 14). (См. также выше.) Заметим, что все три подхода к нормативности содержатся у Виттгенштайна и являются эквивалентными. Примитивное подобие соответствует виттгенштайновскому семейному сходству – понятие, о котором Гинзбург почему-то не упоминает.

В § 1 я ввёл понятие нормативной диспозиции. Аналогичное понятие вводит Гинзбург. Гинзбург модифицирует диспозиционный подход к проблеме следования правилу следующим образом. Новое сложение есть актуализация диспозиции, но эта актуализация нормативна в том смысле, что мы *должны* реагировать так, как этого требует примитивная нормативность.

« You are disposed not only to respond with a number which is in fact the sum, but to consider that particular response appropriate» (Вы не только расположены в качестве ответа дать число, которое на самом деле есть сумма, но и рассматривать этот конкретный ответ как подходящий. *Перевод мой*). ([3], с. 245)

Гинзбург не имеет ввиду две разных диспозиции, а одну специфическую диспозицию. Оценка ответа на подходящесть не является диспозицией второго порядка, введение которой привело бы к регрессу диспозиций. Для Гинзбург подходящая актуализация диспозиции сопровождается сознанием примитивной нормативности или мыслью о том, что актуализация является подходящей. Решение парадокса Крипке в том, что

« you can say that it was your being disposed to give the sum rather than the quum and, in so doing, to take yourself to be doing as you ought in the primitive sense» (Вы можете сказать, что Вашей диспозицией было суммировать, а не к-суммировать, и делая это, рассматривать себя как действующего как должно в примитивном смысле. *Перевод мой*). ([3], с. 245)

Такой подход позволяет решить главную проблему, с которой сталкивается диспозиционалистский подход, которая состоит в том, что связь между смыслом или намерением и будущим действием нормативная.

Согласно Гинзбург, «we not only make claims to primitive normativity, but are also entitled to do so» (мы не только делаем утверждения в соответствии с примитивной нормативностью, но также и имеем право на это). ([3], с. 249)

До-теоретическая интуиция о подходящесть, о которой я уже говорил выше, делает примитивную нормативность законной (заметим, что Виттгенштайн не сказал бы, что мы даём подходящий ответ, 125, в соответствии с интуицией. Согласно Виттгенштайну подходящий ответ – это ответ «спонтанный». Спонтанность - не интуиция, а возможность обоснования). Естественно предположить, что, в принципе, возможны равные по силе, но разные «интуиции» о подходящесть того или иного продолжения некоторой последовательности или того или иного выполнения некоторой операции, соответствующие разным имплицитным правилам. Гинзбург считает, однако, что симметрия между интуициями лишь кажущаяся. Мне представляется, что Гинзбург ошибается. Симметрия нарушается в том случае, когда существует более сильное (естественное, фундаментальное) имплицитное правило, которому соответствует более сильная «до-теоретическая интуиция» о примитивной нормативности (как это имеет место для операции сложения в рамках нашей «формы жизни»).

Гинзбург проводит различие между примитивной нормативностью и нормативным соответствием смыслу. Если задано эксплицитное правило «к-сложения», то в соответствии с ним, правильная операция даст 5. В примитивном смысле, однако, этот результат будет неподходящим. Наличие имплицитного правила, соответствующего примитивному смыслу, может быть осознано позже:

«The appropriateness she ascribes can be understood coherently as prior to and independent of her recognition that her performance conforms to a rule» (приписываемая им подходящесть может быть непротиворечивым

образом понята как предшествующая осознанию того, что его действие соответствует правилу, и не зависящее от него. *Перевод мой*). ([3], с. 249)

Согласно Гинзбург, например,

«we might legitimately regard “10” as appropriate to “2, 4, 6, 8 ...” in a sense which does not depend on its conforming to one rule rather than any other» (мы могли бы на законных основаниях рассматривать число «10» как подходящее к «2, 4, 6, 8 ...» в смысле, который не зависит от его соответствия скорее одному правилу, чем какому-либо другому. *Перевод мой*). ([3], с. 251)

Сказанное можно понять в том смысле, что для продолжения последовательности мы, вообще говоря, не нуждаемся в эксплицитном правиле. ИмPLICITно приоритет отдаётся наиболее фундаментальной практике, наиболее общепринятому правилу, если оно сознательно не исключается из рассмотрения (например, можно условиться не рассматривать операцию сложения. Тогда наиболее естественной имPLICITной операцией может оказаться какая-то другая операция). Сказать, что нет вообще никакого правила, неверно. «Примитивная нормативность» соответствует наиболее естественному продолжению наиболее естественного правила. Для выбранной Гинзбург последовательности таким правилом является операция прибавления 2, но в рамках другой «формы жизни» наиболее естественным правилом для последовательности могло бы быть другое правило.

Для Гинзбург смысл и правила не являются *sui generis*, а неразрывно связаны с употреблением. В то же время для неё имеется одна *sui generis* интенциональная установка, связанная с примитивной нормативностью, в соответствии с которой мы рассматриваем наши употребления (правил, концептов) в данных условиях как подходящие.

Прагматическая нормативность Витгенштейна, которая близка к тому, что Гинзбург называет примитивной нормативностью, не является *sui generis*. Как мне кажется, вышеприведённый анализ показывает, что правильнее говорить не о натурализме с минимальным добавлением нормативности, как это делает Гинзбург, а о нормативном натурализме.

3. Заключение

Итак, то, что Гинзбург называет примитивной нормативностью должно быть правильно понято как витгенштейновская спонтанность, то есть натурализованная прагматическая нормативность. Результат 125 в примере Крипке может быть получен в результате неосознанного применения (имPLICITного) правила. Осознанное, или рефлексивное, сравнение с правилом вторично; оно есть обоснование *post factum*. Промежуточной между инстинктивным применением правила и его рефлексивным обоснованием является рефлексивная мысль о подходящести применения правила, которая аналогична эстетическому суждению о красоте. Наличие рефлексивного

эстетического суждения, отражающего существование имплицитного правила, необязательно для правильного применения последнего, хотя и облегчает задачу.

Существует прагматический факт (или факт о практике), указывающий на то, какое правило имплицитно для того или иного набора конкретных операций или членов последовательности. Это правило, в принципе, может быть сделано эксплицитным в результате описания соответствующей практики, которая не исчерпывается данным набором операций или членов последовательности, а включает в себя семейное сходство между ними. Дальнейшее следование этому правилу есть естественное расширение практики при сохранении семейного сходства, которое, в принципе, может быть обосновано *post factum* как применение правила.

Эта статья была написана до того, как я узнал о существовании статьи [4] и её критического анализа Адрианом Хаддоком [6]. Как мне кажется, мои выводы близки к выводам, сделанным Хаддоком.

Литература

1. Кант Иммануил. Сочинения в шести томах. Том 5. Критика способности суждения. Москва: Мысль, 1966.
2. Bridges J. Wittgenstein's contextualism. // In (Arif Ahmed (ed.). Wittgenstein's Philosophical Investigations. A Critical Guide. Cambridge UP, 2010.)
3. Ginsborg H. Primitive normativity // Journal of Philosophy, 2011. CVIII, no. 5. С. 227 – 254.
4. Ginsborg H. Meaning, understanding and normativity // Proceedings of the Aristotelian Society Supplementary Volume. 2012. 86. С. 127-46.
5. Goodman N. Fact, Fiction and Forecast. HUP, 1955.
6. Haddock A. Meaning, justification and 'primitive normativity' // Proceedings of the Aristotelian Society, 2012. Том. LXXXVI. С. 147-174.
7. Kant I. Critique of Judgement. Digireads.com Publishing, 2010.
8. Kripke S. Wittgenstein on Rules and Private Language. Cambridge: Harvard, 1982.
9. Lear J. Leaving the World Alone // In (Williams, M. (ed.) Wittgenstein's Philosophical Investigations: Critical Essays, Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2007.) С. 209-229.
10. Lewis D. New work for a theory of universals // Australasian Journal of Philosophy, 1983. LXI, 4, С. 343-77.